

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят девятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
19 January 2005
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 23-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в понедельник, 8 ноября 2004 года, в 09 ч. 30 м.

Председатель: г-н Бенунна (Марокко)

затем: г-н Шимон (заместитель Председателя) (Венгрия)

Содержание

Пункт 144 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии (*продолжение*)

Пункт 140 повестки дня: О состоянии Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 года, касающихся жертв вооруженных конфликтов (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

04-59601 (R)

*** 0459601 ***

Заседание открывается в 09 ч. 45 м.

Пункт 144 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии (продолжение) (A/59/10)

1. **Г-н Пех** (Малайзия), касаясь проектов статей об ответственности международных организаций, говорит, что в пункте 2 статьи 1 находящееся перед словом «ответственности» слово «международной» следует исключить, а в конце этого пункта следует добавить выражение «членом которой является это государство». В проекте статьи 2 для обеспечения четкости следует дать точное определение термину «другие образования» или, наоборот, следует конкретно указать определенные критерии. Что касается проекта статьи 6, касающегося поведения *ultra vires* органов или агентов международной организации, то должное внимание следует уделить законности поведения органов или агентов до присвоения этого поведения организации. Было бы несправедливым присваивать поведение организации, когда такое поведение определено является превышением полномочий органов или агентов или когда оно явно противоречит инструкциям, полученным от организации.

2. Касаясь проектов статей об общих природных ресурсах, выступающий выражает удовлетворение по поводу второго доклада Специального докладчика (A/CN.4/539) и отмечает, что из-за деликатного характера термина «общие ресурсы» проекты статей нацелены на подтему о «трансграничных грунтовых водах», по отношению к которым не используется термин «общие». Выступающий также отмечает, что, хотя в докладе Специального докладчика используется термин «грунтовые воды», он предпочитает, чтобы в проекте статей фигурировал термин «водоносный горизонт».

3. Поскольку цель проектов статей заключается в регламентации порядка использования, защиты, сохранения трансграничных систем водоносных горизонтов и управления ими, Малайзия желает предложить поправки к проекту статьи 2. В пункте (а) после слова «породы» следует включить выражение «песка, гравия или грунта», а в пункте (б) после слова «породам» добавить слова «песку, гравию или грунту».

4. Что касается проекта статьи 4, то делегация его страны хотела бы видеть разъяснение концеп-

ции «значительного ущерба» и критериев для определения того, когда «ущерб» является «значительным».

5. Что касается проекта статьи 6, то обмен некоторыми данными и информацией может быть неуместным, поскольку он может негативно сказаться на национальных интересах государства водоносного горизонта. Поэтому выступающий предлагает, чтобы при таких обменах учитывались национальные интересы, включая соображения безопасности.

6. **Г-н Лоисага** (Парагвай), касаясь главы VI доклада Комиссии, поддерживает предложение Специального докладчика сконцентрировать внимание на подтеме «трансграничные грунтовые воды» и не употреблять термин «общий». Он поддерживает мысль о том, что грунтовые воды необходимо рассматривать как ресурс, принадлежащий государству, в котором он находится, по аналогии с нефтью и газом, и не могут рассматриваться в качестве всеобщего ресурса. Будучи государством системы водоносного горизонта Гарани, Парагвай придает большое значение такой концепции собственности, которая также включает в себя принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами, как об этом говорится в резолюции 1803 (XVII).

7. В этой связи он ссылается на специальную рабочую группу высокого уровня по водоносному горизонту Гарани, учрежденную государствами — членами Общего рынка стран Южного Конуса (МЕРКОСУР) для разработки соглашения, устанавливающего принципы и критерии гарантирования прав этих государств над их ресурсами грунтовых вод. В этом отношении он отмечает, что государства-члены приняли базовые принципы относительно водоносного горизонта Гарани, изложив свою позицию, согласно которой грунтовые воды территориально принадлежат государству, под которым они находятся, и водоносный горизонт Гарани является трансграничным водоносным горизонтом, находящимся в исключительной собственности четырех стран — членов МЕРКОСУР. Кроме того, финансируемый Всемирным банком четырехлетний технический проект по экологической защите и устойчивому освоению системы водоносного горизонта Гарани, как ожидается, позволит лучше понять важность этого природного ресурса. Парагвай и другие страны — члены МЕРКОСУР убеждены в том, что технические данные, которые они будут продолжать предоставлять, будут иметь важнейшее значение

для разработки Комиссией документов на базе все-сторонней поддержки принципа суверенитета государств над их природными ресурсами.

8. **Г-жа Макайвер** (Новая Зеландия), касаясь темы «Ответственность международных организаций», говорит, что поведение органов или агентов, переданных в распоряжение международных организаций, включает в себя случай с миротворческими силами и что присвоение поведения международной организации или соответствующему государству является потенциально сложным вопросом. Новая Зеландия поддерживает критерии эффективного контроля, который использовала Комиссия в проекте статьи 5.

9. В ответ на просьбу Комиссии представить комментарии по конкретным вопросам, касающимся следующего доклада Специального докладчика, и в связи с вопросом, затронутым в пункте 25(а) доклада Комиссии, выступающая говорит, что ее делегация считает, что Комиссии не следует слишком глубоко, а может и вообще не следует изучать вопрос о нарушениях обязательств, которые международная организация может иметь по отношению к своим государствам-членам или агентам согласно правилам организации.

10. Что касается вопроса, упомянутого в пункте 25(б), то делегация ее страны испытывает определенную озабоченность, когда государство ссылается на необходимость в качестве основания для исключения противоправности деяния, которое в противном случае противоречило бы международному праву. Любая идея о том, что международная организация может ссылаться на необходимость при аналогичных обстоятельствах, была бы еще большим поводом для озабоченности, поскольку ее делегация с трудом представляет себе, что может являться «существенным интересом» международной организации, который можно защищать от «большой и неминуемой опасности».

11. Что касается вопроса в пункте 25(с) об ответственности международной организации в связи с противоправным деянием государства или другой организации, то ее делегация считает, что как организация, так и государство должны рассматриваться как ответственные по международному праву, даже если противоправное поведение государства не было осуществлено по конкретной просьбе организации, а было только санкционировано ею.

12. Касаясь темы «Общие природные ресурсы», она говорит, что Новая Зеландия, будучи удаленным островным государством, не имеет трансграничных грунтовых вод, но тем не менее осознает важное значение таких ресурсов во многих частях мира. Эта тема является весьма сложной с научной и технической точек зрения, и делегация ее страны желает заверить Специального докладчика в своей неизменной поддержке его работы в этом направлении. Хотя Новая Зеландия не имеет трансграничных водоносных горизонтов и не может представить информацию об их местонахождении и управлении ими, ее делегация желает высказать несколько общих комментариев, имеющих отношение к общим рамкам, предложенным Специальным докладчиком, и принципам, которые следует отразить в проектах статей. Поскольку характеристики большинства водоносных горизонтов значительно отличаются от характеристик поверхностных вод, охватываемых Конвенцией 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков, и поскольку очистка водоносных горизонтов от загрязнения может оказаться исключительно сложной, возникает вопрос о том, не следует ли принципы и нормы, касающиеся этих водоносных горизонтов, в большей степени сориентировать на защиту окружающей среды и предотвращение загрязнения.

13. В заключение выступающая отмечает, что принципы справедливого использования и разумного использования нелегко применить по отношению к системе водоносного горизонта, который не имеет подпитки и поэтому является невозобновляемым. Не совсем понятно, какое значение можно придать этой концепции в этом контексте, однако следует учитывать соображение о том, что трансграничные водоносные горизонты должны использоваться с такой интенсивностью, которая согласовывалась бы со способностью соответствующих государств обеспечивать население водой из альтернативных источников.

14. **Г-жа Хун Юн-ае** (Республика Корея), касаясь проектов статей об ответственности международных организаций, говорит, что ее делегация согласна с проектом статьи 4, пункт 3, однако считает, что определение «правил организации» в пункте 4 не является ясным. По ее мнению, «решения, резолюции и другие акты, принятые организацией» равнозначны концепции установившейся практики организации.

15. Кроме того, ее делегация интересуется тем, могут ли «другие акты, принятые организацией» без какого-либо уточнения рассматриваться как означающие правила организации. Она предлагает Комиссии рассмотреть вопрос о необходимости установления определенных условий для того, чтобы такие акты представляли собой правила организации. В этой связи можно провести аналогию с делами о континентальном шельфе в Северном море, при рассмотрении которых Международный Суд отметил, что практика государств должна быть как обширной, так и практически единообразной, с тем чтобы представлять собой установившуюся практику согласно обычному международному праву.

16. Что касается проекта статьи 5, то делегация ее страны считает, что критерий эффективного контроля применительно к вопросу о присвоении должен отражать развитие недавней судебной практики в этой области. В деле *О действиях военного и полувоенного характера в Никарагуа и против нее* Международный Суд в общем виде охарактеризовал критерий эффективного контроля, согласно которому государство должно дать конкретные инструкции и указания своему агенту относительно совершения конкретных деяний, с тем чтобы деяния этого агента присваивались этому государству. В отличие от этого следует отметить, что Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в деле *Обвинитель против Душко Тадича* пришла к выводу о том, что критерий эффективного контроля, выдвинутый Международным Судом, расходится с международной судебной и государственной практикой. Поэтому Камера признала, что менее жесткий критерий «общего контроля» государства является достаточным для присвоения деяний любых имеющих иерархически организованную структуру групп, например вооруженных сил, этому государству. Критерий общего контроля не заходит настолько далеко, чтобы требовать конкретных приказов в отношении конкретных деяний, и требует лишь государственного надзора и планирования актов агента или организации.

17. Поэтому делегация ее страны предлагает, чтобы Комиссия продолжила изучение практики Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии для определения надлежащего критерия для присвоения поведения международной организации. Кроме того, критерий контроля сыграет кардинальную роль в решении вопроса о присвоении

поведения органа государства в ситуации, предусмотренной в проекте статьи 5, либо этому государству, либо международной организации. Как представляется, из пунктов 9 и 10 комментария к проекту статьи 5 следует, что действия органа государства могут присваиваться этому государству, если международная организация не осуществляла «исключительного командования и контроля» над этим органом. Поэтому делегация ее страны предлагает, чтобы Комиссия разработала два отдельных положения в проекте статьи 5, основанных на пороге контроля международной организации над органом государства: первое положение должно охватывать присвоение деяний органа государства международной организации, а второе — присвоение деяния органа государства этому государству. Если возникнет необходимость в разработке двух положений, то необходимо продолжить изучение международного прецедентного права, практики государств и установившейся практики международных организаций.

18. **Г-жа Санелли** (Перу), касаясь темы «Общие природные ресурсы», поддерживает решение Специального докладчика сконцентрироваться на подтеме «трансграничные грунтовые воды», не используя при этом термин «общие», благодаря чему будет учтена озабоченность относительно возможности неверного толкования при применении этого термина с учетом концепций общего наследия человечества и общей собственности. Перу желает вновь заявить о важности суверенитета государств над их природными ресурсами и конкретно над ресурсами, находящимися под их сухопутной территорией. В проектах статей, возможно в преамбуле, следует отметить, что грунтовые воды принадлежат исключительно государствам, на территории которых они находятся, и что такие государства обладают правом собственности над ними.

19. Что касается окончательной формы проектов статей, то Перу отдает предпочтение руководящим принципам, которые могут использоваться государствами при разработке двусторонних или региональных договоренностей или соглашений с учетом конкретных особенностей каждой ситуации и ранее заключенных соглашений.

20. Перу будет и впредь уделять особое внимание этой теме и в настоящее время готовит свой ответ на вопросник Комиссии, с тем чтобы содействовать ее работе над кодификацией практики государств в этой области.

21. Что касается главы XI доклада Комиссии под названием «Другие решения и выводы Комиссии», то делегация ее страны поддерживает решение Комиссии включить тему «Обязательство выдавать или предать суду (aut dedere aut judicare)» в свою программу работы, поскольку эта тема имеет важное значение с точки зрения установления господства права и борьбы с безнаказанностью.

22. **Г-жа Заболоцкая** (Российская Федерация) говорит, что тема об ответственности международных организаций имеет большое практическое значение. Комиссия поступила правильно, признав, что поведение органа и агента международной организации при выполнении своих функций должно рассматриваться как поведение организации, и это мнение было поддержано в консультативном заключении Международного Суда по делу о возмещении ущерба в связи с увечьями, полученными на службе Организации Объединенных Наций. Включение критерия эффективного контроля в проект статьи 5 является важным шагом. Как представляется, критерий присвоения поведения международной организации, фигурирующий в проекте статьи 6, отличается от критерия, используемого в проекте статьи 4; поэтому было бы целесообразным применять критерий, изложенный в проекте статьи 4, пункт 1, по отношению к любому поведению. Не вполне понятны мотивы, в силу которых Комиссия при определении понятия «правила организации» решила отойти от вполне удовлетворительной дефиниции, зафиксированной в статье 2(j) Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями. Проект статьи 7 вопросов не вызывает, поскольку ее делегация считает правильной постановку вопроса о том, что в данном случае речь идет о присвоении ответственности, а не противоправном поведении.

23. Касаясь вопросов, затронутых в пункте 25 доклада, по которым Комиссия обратилась к Комитету с просьбой дать ориентиры, и, ссылаясь на пункт 25(a), выступающая говорит, что учредительные документы международных организаций, несомненно, являются частью международного права, а раз так, то нарушение международной организацией своих обязательств по отношению к государствам-членам, а возможно, и к ее агентам, может повлечь за собой ответственность организации по международному праву. Хотя, как представляется,

нет оснований для исключения этой темы из проектов статей, необходимость в срочном формулировании специальных положений, посвященных этому вопросу, отсутствует. Что касается пункта 25(b), то нельзя исключать возможность того, что международная организация ссылается на необходимость как обстоятельство, исключающее противоправность деяния, например, для предотвращения ущерба на территории государств, где международная организация проводит научные исследования с использованием атомного реактора или иной установки, представляющей повышенную опасность. Что касается пункта 25(c), то в случае международной организации, обращающейся к государству-члену с просьбой совершить заведомо противоправное деяние, очевидно, можно вести речь о совместной ответственности международной организации и государства-члена, однако иным образом обстоит дело в случае, когда просьба международной организации сама по себе не содержала призыв к неправомерному поведению, которое осуществило государство-член. Вместе с тем, когда неправомерное поведение государства-члена санкционировано международной организацией, в том числе *ex post facto*, то это также одно из оснований совместной ответственности международной организации и этого государства.

24. **Г-жа де Армас Гарсиа** (Куба), касаясь темы «Ответственность международных организаций», говорит, что, хотя Комиссия применила правильный метод при разработке четырех проектов статей о присвоении ответственности, определение «международные организации» в проекте статьи 2 отходит от определения, фигурирующего в статье 2(i) Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. Кроме того, ссылка на «другие образования» представляет собой прогрессивное развитие этой темы, которое не согласуется с международной практикой. По этим причинам было бы целесообразным, чтобы формулировки проектов статей были приведены в соответствие с более ограничительными формулировками Конвенции 1986 года.

25. Касаясь пункта 25(a) доклада Комиссии, выступающая говорит, что было бы целесообразным, чтобы Комиссия рассмотрела нарушения обязательств, которые международная организация может иметь по отношению к своим государствам-

членам или агентам, поскольку путем изучения этой темы Комиссия могла бы усилить правовую безопасность в отношениях между государствами и международными организациями, членами которых они являются. Что касается пункта 25(b), то международная организация должна в принципе иметь возможность сослаться на необходимость в качестве обстоятельства, исключающего международную ответственность за противоправное деяние, когда такое деяние является единственным способом гарантирования интересов организации от большой и неминуемой угрозы, однако Комиссия должна обеспечить, чтобы выбранная ею формулировка исключала неизбирательное применение этой концепции для оправдания других противоправных деяний международных организаций. Текст проекта статьи 25 об ответственности государств является хорошей основой для разработки такого положения. Касаясь пункта 25(c), выступающая отмечает, что если говорить в общем, то международная организация должна нести ответственность за противоправные деяния, совершенные одним или несколькими ее государствами-членами во исполнение просьбы организации. Фактически, как государство-член, так и международная организация должны нести ответственность. Вместе с тем, если противоправное деяние государства не испрашивалось, а просто было санкционировано организацией, необходимо проанализировать степень участия организации в противоправном деянии до решения вопроса о том, несет ли она ответственность за поведение государства. Если противоправное деяние было осуществлено государством от своего собственного имени и от имени организации с ее предварительной санкции, то организация должна нести совместную ответственность, однако если санкция была дана *ex post facto*, то существенно важно проанализировать правила организации, с тем чтобы установить ее связь с ее государствами-членами. Эти вопросы следует рассмотреть в третьем докладе.

26. **Г-н Родилес Бретон** (Мексика), ссылаясь на главу V доклада Комиссии, говорит, что проекты статей о присвоении поведения международным организациям позволят свести воедино общие нормы по данному вопросу. Как предлагается в докладе, определения «агенты» и «правила организации» в проекте статьи 4 следует перенести в проект статьи 2, поскольку эти термины имеют нормативные последствия для проектов статей в целом. Хотя были высказаны сомнения в отношении того, что эф-

фективный контроль является приемлемым критерием присвоения поведения органов или агентов, предоставленных в распоряжение организации, его делегация считает такой критерий наиболее объективным и эффективным. Несомненно, могут быть случаи, в которых будет сложно присвоить поведение на этом основании, однако практика и решения международных судов позволят, по всей видимости, преодолеть эти трудности.

27. Что касается вопросов, по которым Комиссия в пункте 25 доклада просила государства-члены изложить свои мнения, он говорит в отношении пункта 25(a), что Комиссии следует рассмотреть нарушения обязательств, которые международная организация может иметь перед своими государствами-членами или агентами, если такие обязательства не ограничены исключительно правилами организации, а представляют собой обязательства в соответствии с международным правом. Что касается пункта 25(b), то, хотя, как правило, необходимость исключает международную ответственность организации за противоправное деяние, обстоятельства, при которых может упоминаться необходимость, должны быть еще более исключительными, чем обстоятельства, относящиеся к государству, поскольку основополагающие интересы организации не могут быть приравнены к основополагающим интересам государства. Поэтому целесообразность включения этого вопроса является сомнительной. Поднятый в пункте 25(c) вопрос является очень сложным, и, хотя его правительство намерено считать, что государство и организация будут нести ответственность в обоих случаях, оно согласно, что этот вопрос требует более внимательного рассмотрения.

28. В отношении главы VI доклада он говорит, что рассмотрение Комиссией вопроса об общих природных ресурсах позволит устранить значительный пробел в международном праве по данному вопросу. Значение трансграничных грунтовых вод является настолько важным, что эту проблему следует рассматривать до рассмотрения проблемы нефти и газа. Его правительство вносит свой вклад в их сохранение на основе принятия национального закона о водных ресурсах, в соответствии с которым учреждаются механизмы обеспечения более эффективного использования водных ресурсов.

29. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года может служить основой для обсуждения вопроса о

трансграничных грунтовых водах, особенно в отношении применения общих принципов сотрудничества и мер по предупреждению, сокращению загрязнения и контролю за ним. Вместе с тем после определения сферы охвата деятельности Комиссии будет необходимо разработать специальный режим для трансграничных водоносных горизонтов, которые являются невозобновляемыми или медленно восстанавливаются. Таким образом, общая основа, предложенная Специальным докладчиком, является приемлемой отправной точкой, однако ее надо будет корректировать по мере продолжения работы. Представляется целесообразным использование термина «трансграничные системы водоносного горизонта» и исключение терминов «замкнутый» и «несвязанный», при этом статья о связи между новым режимом водоносного горизонта и режимом в соответствии с Конвенцией 1997 года может снять любые затруднения в связи с применением положений Конвенции к водоносным горизонтам.

30. При анализе принципов, регулирующих использование систем водоносного горизонта, следует проявлять должную осмотрительность для обеспечения того, чтобы они были подходящими. Несомненно следует включить принцип равноправного использования, хотя было бы предпочтительнее говорить о «равноправной эксплуатации». Необходимо досконально изучить принципы разумного использования, оптимального использования и участия государств, поскольку эти ресурсы в отличие от поверхностных вод являются невозобновляемыми или медленно восстанавливаются. Кроме того, представляется важным включение ссылки на принцип устойчивого использования. Обязательство не причинять ущерба может быть включено в часть, касающуюся предупреждения загрязнения и охраны водоносных горизонтов. Проект статьи 4 касается в основном ущерба, причиняемого государствам системы водоносного горизонта, и в нем не уделяется должного внимания охране водоносного горизонта и его водных ресурсов. Кроме того, в статье должны также указываться на случай невосполнимого ущерба трансграничному водоносному горизонту вид возможной ответственности и условия, на которых пострадавшие государства могут потребовать компенсацию. Что касается проектов статей 5 и 6 соответственно об обязательстве сотрудничать и обмене информацией, то в обеих статьях должна содержаться ссылка на важность укрепления потенциала в этих областях и на необ-

ходимость сотрудничать и обмениваться информацией по вопросам, связанным с охраной окружающей среды и устойчивым использованием водоносных горизонтов.

31. **Г-н Хмуд** (Иордания), ссылаясь на главу V доклада, говорит, что работа Комиссии имеет важное значение, поскольку правовые нормы, обеспечивающие руководство в вопросе ответственности международных организаций, практически отсутствуют. Хотя идея рассмотрения данной темы на основе кодификации норм обычного права и судебных принципов и одновременной разработки, когда это необходимо, новых норм является хорошей, Комиссии не следует чрезмерно полагаться на неопубликованные или внутренние меморандумы органов международных организаций в качестве подтверждения установленной практики.

32. Подход, выработанный в проектах статей 4–7, приветствуется. Заострение внимания на поведении, а не на ответственности позволит разграничить вопрос о присвоении и вопрос о содержании и последствиях ответственности. В проекты статей следует включить четкое положение о двойном или множественном присвоении во избежание возможных осложнений в будущем толковании или осуществлении проектов статей. Следует изменить формулировку пункта 3 проекта статьи 4 для уточнения того, что правила организации не являются единственным способом определения функций органов и агентов организаций. Фактический тест для определения того, было ли агенту поручено выполнять функции этой организации в качестве способа определения того, может ли его поведение быть присвоено организации, является тестом, используемым Международным Судом, и он, несомненно, является более предпочтительным по сравнению с тестом на официальный статус, и поэтому его включение в эту статью и в проект статьи 5 приветствуется. Если обстоятельства свидетельствуют о том, что организация осуществляла эффективный контроль за соответствующим поведением, оно должно быть присвоено организации вне зависимости от любого официального заявления или соглашения об обратном. Вместе с тем фактический тест следует применять не только к поведению, но также к установлению того, был ли орган или агент предоставлен в распоряжение международной организации. Комментарий к проекту статьи 5 непреднамеренно запутывает вопрос о руководстве органом

или агентом и вопрос об эффективном контроле за поведением. Возможно, было бы целесообразно заменить выражение «предоставленного в распоряжение» в проекте статьи 5 на выражение «осуществлять эффективный контроль». Кроме того, в проекте статьи 5 нет ответа на вопрос о присвоении в случае совместных операций, когда разграничение областей эффективного контроля представляется сложной задачей. Хотя в проекте статьи 6 правомерно закрепляется принцип, согласно которому поведение *ultra vires* органа или агента не должно присваиваться международной организации, досадно, что в комментарии затрагивается вопрос о разграничении между поведением при исполнении и не при исполнении служебных обязанностей, поскольку это создает путаницу с проверкой, предусмотренной в этой статье, в отношении того, действовал ли орган или агент в этом качестве и превысил ли он свои полномочия или нарушил инструкции. Содержание проекта статьи 7 следует пересмотреть, поскольку оно противоречит фактическому тесту на присвоение. Как представляется, нет ни одного разумного основания для присвоения поведения международной организации, которая признает или принимает поведение как свое собственное, и отсутствуют правовые нормы и практика в поддержку такого подхода.

33. **Г-жа Масируби** (Венесуэла) говорит, что ее делегация поддерживает предложение Специального докладчика не использовать неточный термин «общие природные ресурсы» (A/59/10, пункт 83), толкование которого может привести к серьезным разногласиям. Венесуэла всегда выступала против использования этого термина в юридических документах, принимаемых международным сообществом.

34. **Г-жа Одаба-Мосоти** (Кения) говорит, что начатая Специальным докладчиком работа над темой общих природных ресурсов служит прочной основой для дальнейшего рассмотрения этой сложной темы; ее делегация одобряет его подход, заключающийся в акцентировании внимания на трансграничных грунтовых водах.

35. Хотя в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков содержатся основные принципы, ориентирующие работу Комиссии, к настоящему моменту она получила ограниченную поддержку государств; поэтому дублирование этих принципов может оказаться контрпро-

дуктивным, особенно в отношении ископаемых остатков водоносных горизонтов, которые определенно исключаются из сферы охвата Конвенции. С другой стороны, некоторые системы грунтовых вод связаны с поверхностными водами, и в этом случае принцип Конвенции сохранит свое значение.

36. Повышенное внимание следует уделять управлению и общему использованию замкнутых водоносных горизонтов с учетом того, что они являются невозобновляемыми. Возможно, было бы целесообразно рассмотреть вопрос о том, должны ли невозобновляемые грунтовые воды регулироваться таким же режимом, как и другие истощаемые общие природные ресурсы, и решить, какие нормы международного экологического права будут применимы к ним.

37. Всеобъемлющее изучение практики государств может быть полезным справочным ресурсом для будущей работы. Следует надеяться, что ответы на вопросник Специального докладчика окажутся в определенном смысле полезными. Итогом работы может стать рамочный документ или руководящие принципы, которые позволят государствам выработать конкретные национальные и региональные механизмы.

38. **Г-жа Телалиан** (Греция), ссылаясь на главу V доклада, говорит, что, как представляется, четыре новых проекта статьи об ответственности международных организаций сформулированы надлежащим образом. Ее делегация приветствует, в частности, принятие в пункте 2 проекта статьи 4 широкого определения агента международной организации на основе консультативного заключения Международного Суда о возмещении ущерба в связи с увечьями, полученными на службе Организации Объединенных Наций, которое подчеркивает не только официальный характер агента, но также тот факт, что он является лицом, через которое действует организация. Это определение дополнительно разъясняется в пункте 1 статьи 4, в котором из присваиваемого поведения исключаются частные действия органа или агента. Она приветствует включение в пункт 4 статьи 4 фразы «другие акты, принятые организацией» и «установившаяся практика» с точки зрения правовых положений, составляющих правила организаций. Эти два элемента будут иметь неопределимое значение в определении функций органов и агентов.

39. Включение в проект статьи 5 критерия эффективного контроля также приветствуется, поскольку такой критерий глубоко укоренился в практике Организации Объединенных Наций в рамках операций по поддержанию мира. Если акт сил по поддержанию мира присваивается Организации Объединенных Наций и является нарушением международного права, он повлечет за собой международную ответственность Организации и ее обязанность обеспечить компенсацию. Этот критерий будет также определяющим в случае совместного или параллельного присвоения.

40. Комиссия подчеркнула, что проект статьи 6 охватывает поведение, превышающее компетенцию организации, и поведение, превышающее полномочия ее органа или агента, однако текст охватывает определенно лишь второй случай. Вместе с тем Комиссия правомерно считает, что такое поведение присваивается организации в случае связи с официальными функциями органа или агента. Комиссия также правомерно заявляет в отношении проекта статьи 7, что компетенция международной организации регулируется ее собственными правилами.

41. Что касается вопросов, по которым Комиссия просила государства изложить свои мнения, она говорит в отношении пункта 25(а) доклада, что Комиссии действительно следует рассмотреть возможные нарушения международной организацией своих обязательств перед государствами-членами. Правила организации являются частью международного правопорядка, поскольку они вытекают из международного договора, т.е. учредительного документа организации. Таким образом, нарушение правил организации влечет за собой международную ответственность исполнителя, также как и любое нарушение любой другой международной нормы. Кроме того, Комиссия пришла к выводу в отношении ответственности государств за международно-противоправные деяния, что происхождение нарушенного международного обязательства не имеет отношения к международной ответственности государства, совершающего противоправное деяние. Иной подход в отношении ответственности международных организаций нарушит унифицированный режим происхождения международных обязательств.

42. С другой стороны, нарушение правил организации в отношении ее агентов заслуживает более детального рассмотрения, поскольку частные лица

не являются субъектами международного права и не могут заявлять о выполнении любых других международных обязательств, за исключением обязательств других субъектов международного права, вытекающих из норм, касающихся защиты прав человека. В связи с этим необходимо разграничивать нарушение правил организации, включающих такие нормы в области прав человека, и нарушение других норм, регулирующих действия агентов организации. Нарушение этих последних норм должно являться предметом жалобы лишь в определенных рамках и в соответствии с механизмами, предусматриваемыми самой организацией, а нарушение норм, указанных первыми, должно являться предметом жалобы, выходящей за рамки организации, в соответствии с процедурами общего международного права. Таким образом, Комиссии следует рассматривать лишь нарушения по первой категории.

43. Что касается пункта 25(b), то, учитывая отсутствие соответствующей практики, ее делегация будет возражать против включения в проект статьи на нынешней стадии ссылок ответчика на крайнюю необходимость в качестве обстоятельства, исключаящего неправомерность в связи с ответственностью международных организаций.

44. В связи с третьим вопросом, изложенным в пункте 25(c), возникают вопросы, требующие дополнительного определения. Когда государство действует для осуществления меры, которую оно обязано осуществить в соответствии с правилами организации, на организацию может быть возложена ответственность, если такая мера нарушает международно-правовую норму. Поэтому ее делегация поддерживает мнение, выраженное Специальным докладчиком в пункте 12 его доклада (A/CN.4/541), о том, что присвоение международной ответственности может отличаться от присвоения противоправного поведения лица в отношении субъекта международного права. Комиссия сформулировала вопрос правильно: для того чтобы считалось, что организация несет ответственность по международному праву, сама организация, а не только ее государства-члены, должна самостоятельно быть связана нарушенным обязательством. Если же только государство-член несло обязательство, нарушенное в результате меры, принятой организацией, на организацию не может быть возложена ответственность. Поэтому вопрос о возможном освобождении государства от ответственности в этой связи следу

ет рассматривать в рамках права о международной ответственности государств и не включать в нынешний проект.

45. **Г-н Мелескану** (Председатель Комиссии международного права), представляя главы VIII, IX и X доклада Комиссии и ссылаясь сначала на главу VIII, говорит, что в соответствии с рекомендациями Рабочей группы по односторонним актам государств Специальный докладчик учел в своем седьмом докладе (A/CN.4/542 и Согг.2 и Согг.3) необходимость определить соответствующие нормы для кодификации и прогрессивного развития. В частности, в докладе рассматриваются акты и заявления, имеющие правовые последствия, а также поведение, которое может иметь правовые последствия, аналогичные односторонним актам. Для того чтобы определить критерий для классификации актов и заявлений, Специальный докладчик использовал три общепризнанные категории: акты, посредством которых государство принимает на себя обязательство (обещание и признание); акты, посредством которых государство отказывается от того или иного права (отказ); и акты, посредством которых государство подтверждает то или иное право или ту или иную правовую претензию (протест). И хотя уведомление с формальной точки зрения является односторонним актом, его последствия варьируются в зависимости от ситуации, которой это уведомление касается. Выводы, сделанные Специальным докладчиком, призваны способствовать рассмотрению этой темы и выработке общеприменимых принципов.

46. Обсуждения в Комиссии показали, что, хотя в седьмом докладе приведены несколько примеров односторонних актов, потребуется проведение более тщательного анализа, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что правила общего применения существуют. Кроме того, принимая во внимание тот факт, что практически отсутствуют исследования с анализом контекста, имеющего важнейшее значение для понимания односторонних актов, Комиссии следует сосредоточить свое внимание на изучении некоторых примеров и попытаться составить сравнительную таблицу, чтобы определить общие для этих примеров правила. Рабочая группа продолжает работу на основе рекомендаций, вынесенных в прошлом году, имея целью обеспечить руководство для будущей работы. Она приняла решение отобрать достаточно документированную подборку односторонних актов для проведения углуб-

ленного анализа. Она также составила схему, описанную в пункте 247 доклада Комиссии, которая позволяет использовать единообразные аналитические инструменты. Члены Рабочей группы распределили между собой ряд исследований, которые будут проводиться в соответствии с установленной схемой и будут препровождены Специальному докладчику до 30 ноября 2004 года. Специальному докладчику будет поручено подготовить обобщенный материал на основе исключительно этих исследований, выводы которых будут представлены в его восьмом докладе.

47. Ограниченность информации о практике государств представляет собой одну из основных сложностей при изучении этой темы. Комиссия придерживается мнения, что при исследовании такой практики надо рассматривать вопрос, касающийся эволюции или срока действия односторонних актов, причем конкретным аспектам, таким, как авторство, компетенция, форма, содержание и т.д., следует уделить более пристальное внимание, чтобы определить, существуют ли общие правила или принципы. Поэтому Комиссия приветствует комментарии государств в этом отношении.

48. Касаясь главы IX доклада, он говорит, что Комиссия приняла пять проектов руководящих положений, касающихся расширения сферы действия оговорки, изменения и снятия заявления о толковании. Комиссия также рассмотрела девятый доклад Специального докладчика (A/CN.4/544), касающийся определения возражений, а также передала в Редакционный комитет два проекта руководящих положений 2.6.1 и 2.6.2.

49. В проекте руководящего положения 2.3.5 (Расширение сферы действия оговорок) говорится, что изменение существующей оговорки, которая направлена на расширение сферы действия оговорки, регулируется правилами, применимыми к последующему формулированию оговорки. Если высказывается возражение по поводу такого изменения, первоначальная оговорка остается неизменной. Таким образом, если государство или международная организация пожелает расширить сферу действия своей оговорки, то положения, применимые к последующему формулированию оговорки, должны применяться в полном объеме и по тем же причинам. Кроме того, в таком случае существенно необходимо получить единодушное согласие других сторон на расширение сферы действия оговорки. Не

следует поощрять последующее формулирование ограничений в применении договора. Депозитариус воспринимают «расширительные изменения» как последующее формулирование оговорок.

50. Проект руководящего положения 2.3.5 непосредственно касается проектов руководящих положений 2.3.1, 2.3.2 и 2.3.3, тем не менее проецирование правил, применимых к последующему формулированию оговорок на расширение сферы действия существующей оговорки не может быть автоматическим. Вместе с тем применительно к последующему расширению сферы действия какой-либо оговорки последняя уже утвердилась и имела последствия, признанные Венской конвенцией. Таким образом, первоначальная оговорка остается неизменной при наличии возражения против расширения сферы ее действия. Комиссия сочла нецелесообразным давать в проекте руководящего положения определение понятия «расширение сферы действия оговорки», поскольку его смысл представляется очевидным. Тем не менее определение этого термина приведено в комментарии.

51. В проекте руководящего положения 2.4.9 предусмотрен принцип, в соответствии с которым можно изменить заявление о толковании в любой момент, если в договоре не указано, что это заявление может быть сделано или изменено только в определенные моменты. Несмотря на редкость примеров, этот проект руководящего положения, как представляется, логично вытекает из самого определения заявлений о толковании.

52. Проект руководящего положения 2.4.10 касается ограничения и расширения сферы действия условного заявления о толковании, которое регулируется правилами, применимыми к частичному снятию и расширению сферы действия оговорок. В отличие от изменения простых заявлений о толковании изменение условных заявлений о толковании отождествляется с последующим формулированием, которое может утвердиться лишь в том случае, если оно не вызовет противодействия какой-либо из договаривающихся сторон. Хотя в определенных случаях может быть трудно определить, направлено ли изменение на ограничение или расширение сферы действия условного заявления о толковании, Комиссия пришла к выводу, что нецелесообразно отходить от правил, касающихся изменения оговорок, указав, что в данном случае следует сослаться на правила, применимые соответственно к частич-

ному снятию и расширению сферы действия оговорок. В последнем случае правила аналогичны правилам, содержащимся в проекте руководящего положения 2.4.8 по последующему формулированию условного заявления о толковании, которое поставило последующее формулирование такого заявления в зависимость от единодушного согласия всех сторон.

53. В проекте руководящего положения 2.5.12 о снятии заявления о толковании предусмотрено, что, поскольку заявление о толковании может быть сформулировано в любой момент, такое заявление может быть и снято в любой момент без особых формальностей. Малочисленные практические примеры подтверждают, что такая практика совместима с весьма неформальным характером заявлений о толковании. Снятие заявления о толковании должно удовлетворять некоторым формальностям, изложенным в проектах руководящих положений 2.4.1 и 2.4.2.

54. В проекте руководящего положения 2.5.13 предусмотрено, что снятие условного заявления о толковании осуществляется в соответствии с правилами, применимыми к снятию оговорок, которые содержатся в проектах руководящих положений 2.5.1–2.5.9. Комиссия примет окончательное решение по условному заявлению о толковании тогда, когда она закончит свое рассмотрение правил, касающихся как заявлений, так и оговорок.

55. Комиссия будет приветствовать комментарии правительств по вопросу, поднятому в главе III.F ее доклада и касающегося используемой терминологии.

56. Что касается главы X, озаглавленной «Фрагментация международного права», Исследовательская группа, рассматривавшая эту тему, провела полезные обсуждения по существу вопросов о функциях и сфере применения нормы *lex specialis* и вопроса об автономных режимах. Она подтвердила свое намерение подготовить основной коллективный документ, в котором найдут отражение многие из существенных положений индивидуальных исследований, проведенных членами Исследовательской группы, с дополнениями и изменениями, выявившимися в ходе проходивших в Группе обсуждений.

57. В аналитическом исследовании Председатель Исследовательской группы, опираясь на теорию и

прецедентное право, рассмотрел применение нормы *lex specialis* и функционирование автономных режимов, применив «систематический» подход, и пришел к выводу о том, что общее международное право служит в качестве фона для всех специальных норм и режимов. Он также предположил, что среди источников международного права существует некая формальная иерархия. В контексте систематического подхода максима *lex specialis* представляет собой метод юридической аргументации, который действует в качестве инструмента толкования или средства разрешения коллизий. Никакого твердого правила под ее использование подвести невозможно; многое зависит от контекста и нормативной среды. Она может рассматриваться в качестве применения или развертывания общей нормы или исключения из нее, хотя в некоторых случаях это делать запрещается. Один аспект этой нормы, касающийся вопроса о региональных режимах и регионализме, будет рассматриваться отдельно в 2005 году. Исследовательская группа одобрила применение систематического подхода. Кроме того, она предположила, что существует различие между использованием нормы *lex specialis* в качестве отступления от норм права и использованием ее в качестве развития норм права, хотя близость этих двух аспектов подчеркивает ее неформальный и контекстуальный характер. То же самое относится к соответствующему делению между допустимостью отступления и определением содержания нормы, которая являет собой такое отступление в ситуации, когда отступление может быть запрещено, норма *lex specialis* могла бы, тем не менее, быть применимой в порядке развития соответствующей нормы. Некоторые члены Исследовательской группы выразили сомнение в отношении того, что между источниками международного права существует какая-либо иерархия — формальная или неформальная. Как правило, придание договору приоритета по сравнению с общим обычаем объясняется не какой-то иерархией в законодательстве, а желанием реализовать волю сторон. Были также некоторые разногласия в отношении рассмотрения в исследовании вопроса о возможности отступления от общего права. Если не считать вопроса *jus cogens*, до сих пор неясным остается вопрос, при каких других обстоятельствах отступление допускается или не допускается.

58. Что касается автономных режимов, которые Председатель предложил называть «специальные»

режимы, то Исследовательская группа приняла к сведению отсутствие терминологической определенности в прецедентном праве и доктрине. Было решено, что понятие «автономность» не предназначено для обозначения чего-либо помимо идеи «специальности» режима. И действительно, данное понятие постоянно используется в нескольких смыслах: иногда в более узком смысле, чтобы обозначить специальные вторичные нормы; иногда в более широком смысле, чтобы сослаться на специальные нормы и принципы — первичные и вторичные — для решения конкретного вопроса; или функциональном, чтобы покрыть целые области функциональной специализации. Специальные режимы, как они понимаются с функциональной точки зрения, заслуживают дальнейшего исследования, чтобы полностью понять их связь с общим правом и другими двумя формами специальных режимов. Было достигнуто широкое согласие о том, что общее право по-прежнему действует различными путями даже внутри специальных режимов. В то же время при помощи любых общих норм невозможно установить связь между данным режимом и общим правом. В отношении отката к общим нормам, происходящего из-за несрабатывания специального режима, Исследовательская группа подчеркнула, что вопрос о том, сработал ли режим или нет, необходимо толковать путем ссылки на договоры, устанавливающие сам этот режим, и было признано, что какие-либо общие нормы не могут предусмотреть такой возможности. В то же время было высказано мнение, что полезно было бы провести дальнейшее исследование разных ситуаций, в которых может происходить подобное несрабатывание. Было также высказано мнение, что решение о несрабатывании режима и последствиях этого должно приниматься участниками этого режима.

59. Исследовательская группа обсудила также наброски, подготовленные в отношении четырех остающихся исследований. В отношении исследования о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу (статья 30 Венской конвенции о праве международных договоров), было признано, что статья 30 в большей своей части не создает серьезных проблем фрагментации. Неразрешимая коллизия норм может возникнуть только в случае, рассматриваемом в пункте 4(b). В этой связи было высказано мнение о том, что было бы целесообразно изучить подходы к этому вопросу и варианты решений, предложенных

несколькими специальными докладчиками по праву международных договоров. Исследовательская группа одобрила предложенный акцент на изучении вопроса о возможности ограничения воли государств-участников несовместимых договоров в отношении выбора договора, который будет соблюдаться, и договора, который будет нарушен. Было высказано мнение о том, что положения статьи 41 Венской конвенции могут служить определенными ориентирами при осуществлении статьи 30.

60. В отношении исследования об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками (статья 41 Венской конвенции о праве международных договоров) Исследовательская группа отметила, что данная статья отражает необходимость того, чтобы стороны имели возможность расширять сферу осуществления договоров посредством соглашения *inter se*, в то время как степень взаимосвязи между первоначальным договором и соглашением *inter se* может иногда колебаться от минимального уровня до дальнейшего расширения сферы охвата первоначального договора. Поэтому это, как правило, не создает проблем фрагментации. Условия допустимости соглашений *inter se* отражают общие принципы договорного права, которые призваны обеспечить целостность договора. Вместе с тем данные условия не всегда согласуются с характером первоначального соглашения. В соответствии с положениями пункта 1(b)(ii) статьи 41 они также не всегда согласуются с характером того или иного положения. Кроме того, последствия допустимости соглашений *inter se* в статье 41 прямо не рассматриваются. По мнению Исследовательской группы, оба аспекта нуждаются в дальнейшем анализе.

61. Было также высказано мнение о том, что требуется уделить дополнительное внимание вопросу о различиях между выражениями «изменение», «поправка» и «пересмотр» при применении статьи 41, чтобы уточнить их практическое использование. Было также высказано мнение о целесообразности пересмотра взаимосвязи между разными принципами обеспечения последовательности, включая взаимосвязь между статьей 30 (последовательно заключенные соглашения), статьей 41 (изменения в *inter se*) Венской конвенции и статьей 103 Устава Организации Объединенных Наций (приоритетность обязательств по Уставу). Кроме того, следует подробнее изучить ту роль, которую «уведомление»

о соглашениях *inter se* могут играть в уменьшении распространенности случаев фрагментации.

62. В отношении толкования договоров в свете «любых соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях участниками» (статья 31(3)(с) Венской конвенции о праве международных договоров) в контексте общей эволюции международного права и вопросов, вызывающих обеспокоенность международного сообщества, Исследовательская группа подчеркнула, что статья 31(3)(с) становится применимой только тогда, когда возникает проблема толкования. В этом положении речь идет не только о других договорных нормах, но и других источниках международного права, таких, как обычное право и общие принципы, признанные цивилизованными странами. Поэтому в будущем исследовании можно было бы уделить внимание тому, каким образом надлежит применять обычное право и другие соответствующие нормы. Больше внимания следует уделить также взаимосвязи между статьей 31(3)(с) с другими нормами толкования договоров, в частности, нормами, касающимися добросовестности и предмета и цели договора согласно статье 32. Аналогичным образом, следует принять во внимание существование «мобильных концепций» и возникновение общепризнанных международным сообществом стандартов. Задавался также вопрос о том, рассматривается ли интертемпоральное право до сих пор таким же образом, как во время принятия Венской конвенции в 1969 году, ввиду происшедших с тех пор многочисленных преобразований в международной системе.

63. В отношении набросков исследования об иерархии в международном праве: *jus cogens*, обязательства *erga omnes*, статья 103 Устава Организации Объединенных Наций как коллизионные нормы, Исследовательская группа подчеркнула, что исследование следует ориентировать на практику, воздерживаясь при этом от выявления общих или абсолютных иерархий. Ссылку на «коллизионные нормы» следует рассматривать как аспект правовой аргументации, в рамках которой обычной практикой является использование такого инструментария для отклонения менее важных норм посредством ссылки на нормы более важные. Группа одобрила предложение сосредоточить внимание на возможных коллизиях между тремя иерархическими системами, а также на возможных коллизиях внутри каждой категории. Было также сочтено полезным

проанализировать различия между *jus cogens* и обязательствами *erga omnes*: в последнем случае можно не наблюдать иерархические отношения такого же рода, как в первом. Следует также рассмотреть вопрос об использовании иерархической взаимосвязи — может ли, например, государству присваиваться ответственность тогда, когда низшая норма отклоняется высшей нормой. Для того, чтобы устранить нормативные коллизии, следует предоставить примеры использования иерархической взаимосвязи на практике и в доктрине.

64. Исследовательская группа стремилась подчеркнуть целостность международно-правовой системы, а также сделать акцент на важности общего международного права. Так, хотя иерархия иногда может приводить к фрагментации, в большинстве ситуаций она используется для обеспечения целостности международно-правовой системы в целом.

65. **Председатель** выражает надежду на то, что проводимое Комиссией обсуждение различных теоретических моментов международного права принесет вскоре свои плоды в форме руководящих положений относительно оговорок к международным договорам и односторонних актов государств, а также практических рекомендаций по аспектам фрагментации международного права.

66. **Г-жа Шлегель** (Германия), ссылаясь на главу VIII доклада, говорит, что ее делегация в письменной форме представит подробные замечания по теме «Односторонние акты государств». Пока же стоит отметить, что сложность темы, обусловливаемая большим разнообразием односторонних актов, весьма затрудняет задачу Комиссии — наметить и сформулировать четкие руководящие положения. Совершенно необходимо проводить различие между теми односторонними актами, которые представляют собой изъятие воли или согласия, и теми, которые имеют правовые последствия. Выполненная Специальным докладчиком разбивка односторонних актов на три категории (обещание и признание; отказ; протест) должно содействовать повышению юридической ясности. Однако Комиссии следует выработать четкое определение односторонних актов государств, имеющих правовые последствия, при одновременном обеспечении государствам достаточной гибкости в том, что касается актов политического характера.

67. Для того чтобы можно было прийти к целостной классификации односторонних актов и их правовых последствий, необходимо провести дальнейшее изучение практики государств и четко разграничить различные формы их односторонних актов. С этой целью государства должны представить дополнительную информацию. Наряду с обобщением всех представляемых исследований, Специальному докладчику следует стремиться также к сохранению гибкости, имеющей центральное значение для привлекательности односторонних актов как формы, в которую облачается поведение государства. Поскольку общие нормы способны стать помехой этой гибкости, одним из способов поддержания равновесия между юридической ясностью и гибкостью стала бы разработка общих норм, применимых только к конкретным типам односторонних актов, например к актам признания.

68. Что касается главы IX, то германская делегация придает большое значение работе Комиссии над темой «Оговорки к международным договорам». При оценке оговорок центральное значение для делегации имеет следующий вопрос: не следует ли ей отреагировать на оговорку, высказав возражение по ее поводу, прежде всего в том случае, когда оговорка сделана вразрез с исключениями, закрепленными в пунктах (a), (b) и (c) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров? Особый интерес представляют случаи, когда оговорка, по мнению другого государства-участника, несовместима с объектом и целью затрагиваемого договора. Имеют ли такие оговорки правовые последствия? Нужно и должно ли высказывать возражение против них? Этот вопрос оставлен в Венской конвенции открытым, и поэтому Специальный докладчик планирует уделить особое внимание вопросу о том, как охарактеризовать поправку, которая не допускается статьей 19 Конвенции. Комиссия занималась этим вопросом в ином контексте, а именно при обсуждении проекта руководящего положения 2.1.8 [2.1.7 бис] «Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок», в ходе которого не удалось прийти к согласию по поводу употребления слова «недопустимые», в результате чего были предложены в качестве альтернативы слова «неприемлемые» и «недействительные». Этот терминологический вопрос следует рассматривать также через призму взглядов различных школ на правовые последствия таких оговорок. По международному праву они являются недействительными, и возражения против

них тем самым не требуются. Но, как показывает опыт, редкое государство удерживается от возражения лишь на этом основании. Когда Германия высказывает возражения против оговорок, которые она считает несовместимыми с объектом и целью договора, она делает это с тем, чтобы обозначить в адрес сделавшего оговорку государства критику, которая может побудить его снять свою оговорку. Поэтому термины «действительные» или «недействительные» для квалификации таких оговорок употреблять не следует: представляется, что они сродни термину «не имеющие силы» и поэтому не будут оказывать желаемого воздействия, т. е. поощрения возражений. Что касается выбора между словами «недопустимые» и «неприемлемые», то при высказывании возражений вроде бы сложилась следующая формулировка: «В соответствии с установившимися нормами обычного права оговорки, несовместимые с объектом и целью договора, не допускаются». Вытекающие отсюда термины «допустимость» и «допустимые/недопустимые», пользующиеся, судя по всему, широким признанием, указывают на объективный критерий, и в связи с этим их следует принять. В качестве соответствующего термина на французском языке германская делегация предлагает слово “illicite”.

69. Переходя к главе X, стоит отметить, что государства все чаще проявляют готовность подчинять свои двусторонние и многосторонние отношения международно-правовым рамкам. Такое развитие событий, с одной стороны, упрочило международное право, а с другой — способствовало учащению случаев коллизии действующих норм и правовых режимов. Для обеспечения стабильности и юридической определенности в международных отношениях государствам нужно практическое руководство, позволяющее ориентироваться в том, как выходить из коллизий, вызываемых фрагментацией международного права. Германская делегация признательна Исследовательской группе по данной теме за ее работу над продвижением в этом направлении, которая началась с предметного исследования, охватившего такие нормы, как надлежащая дата при применении правила *lex posteriori* (когда встает вопрос, считать ли применимой датой дату ратификации договора или же дату его вступления в силу, поскольку промежуток времени между этими двумя событиями может быть для разных договоров различным). В заключение германская делегация приветствует намечаемую подготовку Председателем

Исследовательской группы дополнительного доклада о постепенной регионализации международного права: этот вопрос был предметом замечаний, высказанных этой делегацией по первому докладу о фрагментации международного права.

70. Председательское место занимает заместитель Председателя г-н Шимон (Венгрия).

71. **Г-н Гуань Цзянь** (Китай), ссылаясь на главу VIII доклада, отмечает, что в седьмом докладе Специального докладчика об односторонних актах государств (A/CN.4/542 и Согг.2 и 3) перечисляется много фактов, но это не сопровождается надлежащим рассмотрением вопросов, поставленных в рекомендации 6, которая была выдвинута на пятьдесят пятой сессии Комиссии: причин односторонних актов государства, критериев действительности обязательств государства и условий, при которых одностороннее обязательство может быть изменено или отменено. Китайская делегация одобряет решение Комиссии учредить Рабочую группу открытого состава по односторонним актам государств, которой поручено изучить выборочные случаи, и поддерживает продолжение работы над этой темой в соответствии с рекомендациями, принятыми на пятьдесят пятой сессии Комиссии.

72. Что касается вопроса о том, следует ли охватывать данной темой политические односторонние акты, то китайская делегация считает, что четкой границы между юридическими актами и актами политическими не существует: некоторые политические акты могут быть одновременно и юридическими, вызывая правовые последствия. Чтобы не допускать несанкционированных односторонних актов со стороны государств, должны существовать некоторые ограничения на то, кто может выступать от их имени с односторонними актами. Что касается положений по процедурным вопросам, например вопросам о толковании, изменении, приостановлении или прекращении односторонних актов, то за модель можно было бы взять положения Венской конвенции о праве международных договоров. В докладе Специального докладчика в качестве примера актов государств неверно приведены некоторые односторонние акты, исходящие от негосударственного субъекта. Будучи органом, учрежденным Генеральной Ассамблеей, Комиссия международного права обязана уважать соответствующие резолюции Организации Объединенных Наций. В будущих докладах таких ошибок следует избегать.

73. Переходя к главе IX доклада, оратор отмечает, что, по мнению Специального докладчика по теме «Оговорки к международным договорам», в определении, даваемом возражениям против оговорок, не следует предвосхищать правовых последствий возражений. Хотя не достигнуто заключения по вопросу о действительности возражений, которые не имеют последствий, предусмотренных в статье 21 Венской конвенции о праве международных договоров, такие возражения все равно являются возражениями против оговорок и должны быть поэтому отражены в определении. В статье 19 Венской конвенции оговариваются условия, при которых государство может сформулировать оговорки, но не указываются правовые последствия нарушения этой статьи. Хотя в вопросе об ответственности, которая может возникнуть у государства в случае формулирования оговорки в нарушение статьи 19, нет ясности, китайская делегация придерживается следующего мнения: государству, возражающему против оговорки, недопустимо в одностороннем порядке заявлять, что в его отношениях с государством, сделавшим оговорку, договор действует в полном объеме. При установлении того, какие договорные отношения будут (и будут ли) существовать между государством, сделавшим оговорку, и государством, возражающим против нее, следует принимать во внимание намерения обеих сторон.

74. **Г-н Макрей** (Канада), обращаясь к главе X доклада, говорит, что работа Исследовательской группы Комиссии по фрагментации международного права, в частности исследование *lex specialis* и автономных режимов, выявила трудности и сложный характер этой темы. Если норма *lex specialis*, судя по всему, эффективно функционирует в качестве толковательного орудия и нормы для улаживания конфликтов, то в области автономных режимов потенциал для фрагментации проявляется особенно остро. Исследовательская группа определила три значения у термина «автономные режимы», одно из которых относится к областям функциональной специализации: правовое регулирование прав человека, правовые нормы Всемирной торговой организации («право ВТО»), гуманитарное право. Канадская делегация считает, что последняя категория нуждается в дальнейшем уточнении. Некоторые сферы функциональной специализации, например правовое регулирование прав человека или морское право, автономными можно назвать лишь с натяжкой. Хотя там имеются свои собственные принци-

пы, институты и телеология, на эти принципы и нормы широко ссылаются и их широко используют на различных форумах. Более же «замкнутые» автономные режимы, например право ВТО, стараются сохранить монополию на толкование и применение своих правовых норм и стремятся исключить обращение к другим форумам. Международное уголовное право может со временем стать более автономным в этом смысле. Исходной нормативной базой для ВТО, безусловно, служит общее международное право, но неясно, как оно будет действовать в рамках этой автономной системы. Возникли непростые вопросы о том, могут ли принципы общего международного права дополнять или изменять обязательства, установленные в соглашениях ВТО.

75. Ситуация становится еще более сложной, когда нормы автономного режима развивались сами по себе, а не на широкой международно-правовой базе. Правовые нормы, регулирующие права человека, уходят корнями в традицию международного публичного права, и существует множество уз, связывающих первые со вторым. Право же ВТО развилось из договорного режима, который действовал, как правило, изолированно от международного публичного права, и некоторые из тех, кто его практикует, вообще отрицают какую-либо связь. Канада не хочет утверждать, что имеется кризис. Она просто ставит вопросы, предлагая тем самым плодотворное направление для их более глубокого изучения Исследовательской группой и Комиссией, и призывает их продолжить свою работу над темой, приобретающей все большее значение.

76. Что касается главы VIII, посвященной односторонним актам, то Канада положительно отзывалась о большом объеме материала о практике государств, составленном Специальным докладчиком. Предстоит еще решить некоторые важные задачи по выработке определений и по классификации. Канадская делегация не уверена, что рабочее определение одностороннего акта государства как заявления, которое выражает волю или согласие и посредством которого государство стремится создать обязательства или другие правовые последствия по международному праву, надлежащим образом отражает ту практику, которая излагается в составленном Специальным докладчиком материале. У нее также есть сомнения в том, что понятие «обещание» подходит как категория для некоторых из приведенных примеров. Например, заявление о том,

что правительство намеревается снизить тарифы на товары из определенных стран, представляет собой заявление о намерении, но его вряд ли можно считать имеющим характер обещания. Признание того, что в различных правовых системах понятие обещания рассматривается по-разному, лишь подтверждает необходимость в более четких определениях.

77. Хотя некоторые члены Комиссии считают необходимым проводить различие между юридическими и политическими актами, есть много случаев, когда эти категории пересекаются. В интересах ясности разграничение актов следует производить по критерию их правовых последствий. Одной из возможных разбивок может быть выделение актов, которые способствуют развитию обычных норм международного права, актов, которые создают другие конкретные правовые обязательства, и актов, которые имеют иные последствия по международному праву. Неизбежно возникнут определенные пересечения, но процесс разнесения односторонних актов по этим категориям послужит более глубокому уяснению их природы и значимости. Такого рода типология позволит Специальному докладчику удачнее отделить актуальные односторонние акты от тех, которые для целей исследования не актуальны, и определить, на чем следует сфокусироваться. Пока же Канада разделяет мнение о том, что данная тема еще не подготовлена для составления проекта статей.

78. **Г-н Бюлер** (Австрия), ссылаясь на главу VIII доклада, говорит, что в седьмом докладе Специального докладчика об односторонних актах государств (A/CN.4/542 и Согг.2 и 3) ряд приведенных примеров практики государств, в которых фигурирует Австрия, вводит в заблуждение. В связи с вопросом о признании государств в пункте 46 доклада говорится о признании Австрией одного дипломата в качестве официального представителя Организации освобождения Палестины в Австрии. Следует отметить, что в то время Австрия признавала Организацию освобождения Палестины представителем палестинского народа, но не государством; следует четко различать признание официального представителя организации и признание государства. В пункте 112 ошибочно констатируется, что в 1999 году Австрия закрыла свое воздушное пространство для военных полетов Организации Североатлантического договора (НАТО) в знак протеста против нападений НАТО на Югославию, тогда как

сделала она это из-за своего нейтрального статуса. В пункте 177 доклада обсуждается уведомление других государств о нейтралитете Австрии. По мнению Австрии, государство, которое в одностороннем порядке уведомляет о своем нейтралитете, сохраняет за собой полный контроль в том, что касается его изменения или отмены. Не ясна цель относящегося к этому пункту примечания 295: в нем цитируется чисто политическое заявление Президента Российской Федерации. Что касается пункта 234 доклада Комиссии, где идет речь о торжественных заявлениях, то Австрия заключила, что негативные гарантии безопасности, данные крупными державами на специальной сессии Генеральной Ассамблеи в 1978 году, имели обязательную силу.

79. Что касается главы IX «Оговорки к международным договорам», то австрийская делегация хотела бы подтвердить свою позицию в отношении позднего формулирования оговорки и расширения сферы действия оговорки. Наличие у государства возможности в любой момент в одностороннем порядке сузить посредством оговорки объем своих обязательств по договору несовместимо с основополагающим принципом *pacta sunt servanda*. Работа над темой оговорок вошла в решающую фазу в связи с рассмотрением вопроса об оговорках, несовместимых со статьей 19 Венской конвенции о праве международных договоров. Позиция Австрии всегда была в этом отношении последовательной, а основывается она на следующих соображениях: должны существовать ограничения на одностороннее определение обязательств, вытекающих из договора; становясь участником договора, государство связывает себя основными обязательствами по этому договору, отражающими его объект и цель; принцип *favor contractus* требует признания недействительным любого заявления, несовместимого с договором; нельзя позволять, чтобы государство, делающее недопустимую оговорку, получало выгоду от нарушения статьи 19 Венской конвенции. Если государствам будет дозволено делать под предлогом суверенитета любую оговорку к договору по своему желанию, то они могут выхолостить из него всю суть и будет очень трудно определить, какие права и обязанности, вытекающие из многостороннего договора, действуют в отношениях между двумя государствами-участниками.

80. Единственное средство правовой защиты государства-участника от недопустимой оговорки бу

дет состоять в квалифицированном возражении против оговорки, препятствующем вступлению договора в силу в отношениях между государством, возражающим против оговорки, и государством, сделавшим ее. Однако это решение будет срабатывать только для синаллагматических договоров, но не для договоров, устанавливающих обязательства erga omnes; в случае договоров по правам человека или сходных договоров это привело бы к нежелательным результатам. Если возражающее государство откажется вступать в договорные отношения с государством, сделавшим оговорку, это не помешает последнему стать участником договора и извлечь выгоду из своей оговорки. Это лишь приведет к тому, что у возражающего государства не будет возможности настаивать на ответственности сделавшего оговорку государства за нарушение договора, и по этой причине оно может решить воздержаться от возражения. В результате любое государство будет в состоянии формулировать оговорку, несовместимую с объектом и целью договора, не рискуя встретить возражение, и статья 19 Венской конвенции лишится смысла.

81. Как показывает практика последнего времени, не всегда есть возможность с самого начала определить: не является ли оговорка несовместимой с объектом и целью договора? В таких случаях государства-участники должны вступать в диалог с государством, сделавшим оговорку, на предмет выяснения сферы действия оговорок. Если обратиться к примеру Римского статута Международного уголовного суда, в статье 120 которого оговорки недвусмысленно запрещаются, то рядом государств были сделаны заявления о толковании, по крайней мере одно из которых рассматривается некоторыми государствами-участниками как тождественное оговорке. Их реакция была разной, но ни одно из них не отказалось вступить в договорные отношения с государством, сделавшим это заявление. Данный случай лишний раз показывает, что единственно возможной мерой реагирования на недопустимые оговорки является расценивание их как противоправных и не имеющих юридической силы.

82. Что касается главы X, посвященной фрагментации международного права, то в нынешнем докладе Комиссии показана необходимость рассмотрения этой темы. Вопросы автономных режимов, норма *lex specialis*, соответствующие нормы международного права, применимые к отношениям ме-

жду участниками, и иерархия в международном праве — все это порождает ряд до сих пор не решенных проблем, требующих дальнейшего прояснения. Австрия разделяет мнение о том, что термин «автономный режим» является в какой-то мере неудачным, если им предполагается обозначать особый режим, полностью изолированный от общего международного права. Австрийская делегация поддерживает предлагаемое направление работы над этой темой.

**Пункт 140 повестки дня: О состоянии
Дополнительных протоколов к Женевским
конвенциям 1949 года, касающихся защиты
жертв вооруженных конфликтов (продолжение)**
(A/C.6/59/L.13)

83. **Г-н Аванбор** (Нигерия) говорит, что его делегация хотела бы стать соавтором проекта резолюции A/C.6/59/L.13.

84. **Председатель** предлагает считать, что Комитет постановляет принять проект резолюции A/C.6/59/L.13 без голосования.

85. Проект резолюции A/C.6/59/L.13 принимается.

Заседание закрывается в 12 ч. 35 м.